УДК 330.15+504.03

ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРНЫМИ МОНОГОРОДАМИ НА ПРИНЦИПАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

***Галина А. Князева*[1, @]**

[1] *Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 167001, Россия, г. Сыктывкар, пр. Октябрский, 55*
[@] *gknyazeva@mail.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: северный (арктический) моногород, комплексная инвестиционная программа, диверсификация градообразующего предприятия, воздействие на окружающую среду, ущерб, устойчивое развитие, кумулятивная оценка изменения окружающей среды, интеграционная модель управления.

Аннотация: Статья посвящена исследованию устойчивого развития северных (арктических) моногородов. Дается оценка государственной поддержки российских моногородов в современных условиях, выделены особенности функционирования северных (арктических) моногородов, которые требуют особого подхода к разработке мер поддержки. Рассматривается метод диверсификации градообразующего предприятия в стратегических документах мнопрофильных поселений – комплексного инвестиционного плана (Кип), отмечается, что такой подход не позволяет системно управлять социо-эколого-экономическими процессами моногородов. В стратегии не учитывается экологический фактор, что не решает накопленные экологические проблемы в Российской Арктике. Обосновывается необходимость использования кумулятивной (совокупной) оценки экологического воздействия на окружающую среду от добычи полезных ископаемых, который позволит измерять и управлять социо-эколого-экономическими процессами. Предложена интеграционная модель стратегического управления на основе оценки кумулятивного воздействия на региональном уровне.

Для цитирования: Князева Г. А. Интеграционная модель стратегического управления северными моногородами на принципах устойчивого развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 103–110. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-103-110.

Одной из особенностей российского Севера является высокая доля городских поселений (моногородов) с доминирующим положением одного или нескольких технологически связанных предприятий с монопрофильной структурой экономики. Из перечня моногородов, составленного Министерством регионального развития РФ по состоянию на 2014 г., 18 моногородов находятся в Арктической зоне РФ. Если учесть, что общее число городских поселений в российской Арктике – 71, то доля монопрофильных в них – 25,4 %, в то время как в среднем по стране она составляет 14,1 % [1]. В российской Арктике в моногородах проживает около 30 % населения. В условиях глобализации экономики с сильными колебаниями рыночной конъюнктуры на сырьевые ресурсы и периодическими кризисами особенно возрастают риски в отношении устойчивого социально-экономического развития северных моногородов. Это в полной мере проявилось в России в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. В ответ на кризис Правительством РФ был принят ряд мер, направленных на решение социально- экономических проблем моногородов, в числе которых разработка моногородами Комплексных инвестиционных планов (КИп) модернизации этих городов. Несмотря на принятый подход к условиям выделения средств государственной поддержки моногородам, основанный на принципах стратегического планирования и управления их развитием, он не отвечает целям и задачам комплексного управления социально-экономическим развитием города. В КИпах отсутствуют инструменты согласованного использования таких ресурсов территорий, как природно-экологических, культурных, человеческих, финансовых.

Государственная поддержка моногородов, прежде всего, нацелена на диверсификацию градообразующего предприятия, моногород рассматривается как центр производства, а не как сложная многофункциональная система со значительными объемами материальных, финансовых, трудовых ресурсов. Большинство ученых, занимающихся проблемой моногородов, считает также, что у моногородов единственный путь – экономической диверсификации. Однако «диверсификация» не помогает вскрыть процессы развития и трансформации экономики моногорода, приводит к упрощенному представлению о роли и приоритетах развития моногородов, затрудняет их развитие, сдерживает формирование новых функций, ограничивает возможности защиты интересов местного сообщества. В результате процесс внедрения стратегического планирования в российских моногородах (разработка КИпов), инициированный «сверху» в рамках реализации государственной политики во многом имеет формальный характер, и в большинстве случаев был направлен на подготовку самого документа, и в меньшей степени – на выработку всесторонне обоснованной, содержательной стратегии развития. Во многом процесс разработки КИпов моногородов сводился региональными органами власти для получения федерального бюджетного финансирования [2].

Особое внимание для исследователей заслуживают моногорода российской Арктики. Анализ основных социально-экономических показателей субъектов АЗРФ показывает, что эти регионы характеризуются низкими показателями по численности населения и численности, занятых в экономике. Важнейшим направлением развития АЗРФ

должно стать формирование сбалансированной системы пространственного развития данных территорий, опорными точками экономического роста которых являются города. Специфика арктических городов обусловлена особенностями географического положения, суровостью климата, сложностью транспортной доступности и вызванных ими проблемами проживания населения и ведения хозяйственной деятельности [3].

Важное значение для АЗРФ имеют такие институциональные факторы, как политика федерального уровня в отношении арктических моногородов, соответствующие региональные и муниципальные программы, система отношений между государственной, муниципальной властью и бизнесом, уровень развития институтов корпоративной социальной ответственности. На сегодняшний день отсутствует дифференциация мер поддержки моногородов РФ, в том числе арктические моногорода не имеют преимуществ при применении каких-либо мер поддержки [4].

Зарубежными и отечественными исследователями выявлено, что моногорода не однородны, а делятся на несколько типов, в зависимости от перспектив градообразующего предприятия и собственного потенциала городской экономики [5; 6]. Для моногородов, которые не обладают потенциалом индустриальной диверсификации, предлагают разрабатывать другие модели поддержки, в том числе ставить вопрос об их сжатии или ликвидации. Для северных городов наиболее оправданной моделью является сценарий «управляемое сжатие». «Управляемое сжатие – это контролируемое за счет миграции сокращение численности населения города до оптимального размера с учетом состояния городской экономики при обеспечении социальных гарантий жителям, которые остаются в городе. Эта модель может быть реализована в тех случаях, когда город или поселок в перспективе имеет шанс на ревитализацию (структурную перестройку городской экономики)» [7]. Для достижения стабильности развития моногородов сценарии должны содержать мероприятия по инновационному использованию местных ресурсов. Экологические воздействия, обусловленные освоением природных ресурсов и имеющие различные последствия на окружающую среду, сообщества и здравоохранение, должны стать основой для совершенствования структуры управления, разработки стратегий развития монопрофильных поселений на принципах устойчивого развития.

В принятых КИПах моногородов принцип устойчивого развития не определен в качестве цели развития территории. Отсутствием внимания к экологическому фактору Б. А. Моргунов объясняет обострение экологической ситуации в Арктической зоне РФ. Это «стало не только следствием реализации традиционного экономического, ресурсного подхода в освоении и использовании ресурсов Арктики, но и отсутствия стратегических решений, ориентированных на выход из экологического кризиса. Традиционные правила планирования социально-экономического развития и проектирования хозяйственной деятельности уже не в состоянии предотвратить возникновение экологических проблем в АЗРФ, а лишь усугубляют неблагоприятную экологическую ситуацию» [8].

Для разработки региональных и муниципальных стратегий на принципах устойчивого развития необходимо иметь соответствующий инструментарий, который позволит измерять и управлять социо-эколого-экономическими последствиями. В последние годы зарубежными и отечественными учеными существующий подход к оценке экологического воздействия на окружающую среду все чаще критикуется за несоразмерно большое внимание оценке экологического воздействия от добычи ресурсов на конкретную природную среду и неспособность решать проблему комплексно – в пространственных и временных масштабах, а также неполноту системы показателей: экологических, социальных и состояния здоровья населения. Для управления совокупным изменением окружающей среды и интеграции всех аспектов влияния предлагается оценка кумулятивного воздействия [9–11]. Кумулятивные воздействия включают влияние на нематериальные и абстрактные элементы природного мира, такие как биоразнообразие и экосистемы, а также тех компонентов окружающей среды, которые непосредственно влияют на здоровье человека и возможности проживающих на данной территории людей (местных сообществ) для удовлетворения социально-экономических потребностей. Комплексный подход к оценке экологического ущерба позволяет учитывать ущерб в пространственных и временных масштабах, а также определять систему экологических, социальных показателей и состояния здоровья населения. При этом под кумулятивным воздействием понимается «система синергетических, интерактивных и непредсказуемых результатов от нескольких видов землепользования или суммы проектов в области добычи ресурсов, которые агрегируются во времени и пространстве, и приводят к значительным последствиям для людей и окружающей среды» [12].

На основе кумулятивного подхода к оценке экологического воздействия от добычи полезных ископаемых нами исследовано промышленное освоение Печорского угольного бассейна в АЗ г. Воркута. Общепризнано, что задачи сохранения традиционного образа жизни, обеспечения рационального природопользования, этнокультурного развития коренного населения Севера поставлены в число приоритетных для обеспечения устойчивого развития Арктической зоны РФ.

Территория г. Воркуты составляет 24,2 тыс. кв. км, город расположен на крайнем северо-востоке Республики Коми, в Большеземельской тундре, в зоне распространения многолетней мерзлоты, в 160 км севернее Полярного круга и 140 км от побережья Северного Ледовитого океана. В городе на 1.01.2016 г. проживает 81 442 человек, что составляет 39,0 % к проживавшим в 1990 г. В основном это русские, около 2 тыс. человек коренного народа – коми, более 300 человек – представители коренных малочисленных народов Севера (в основном ненцы, ханты, манси). На территории МО городской округ «Воркута» расположены девять особо охраняемых территорий. Территория г. Воркуты является традиционным местом природопользования коренного народа, основным традиционным видом хозяйствования которого остается оленеводство. Республика относится к числу крупных оленеводческих регионов России. По численности поголовья регион занимает пятую позицию после Ямало-Ненецкого, Чукотского, Ненецкого автономных округов и Республики Саха (Якутия). На начало 2016 г. по данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Коми во всех хозяйствах содержалось 85749 оленей, в том числе 65537 – в сельхозкооперативах. Поголовье оленей значительно сократилось, начиная с 1990 г., в 1950 г. оно насчитывало 210,9 тыс. оленей. Пер-

спективы роста поголовья ограничены, поскольку промышленное освоение тундры и земель лесного фонда ведет к сокращению пригодной площади для оленьих пастбищ.

Ситуация осложняется накопленным экологическим ущербом (НЭУ) в районах старого промышленного освоения природных ресурсов. В результате производственной и хозяйственно-бытовой деятельности в Воркуте и прилегающей к ней территории в радиусе 20 км сформировалась импактная зона, занимающая свыше 1000 км^2. Заметный вклад в загрязнение почвогрунтов в этом импактном районе вносят терриконы (объем изъятой горной массы превышает 1,1 млрд т). Тимано-Печорский импактный район расположен на территории Ненецкого АО (Харьягинское, Торовейское и Кумжинское месторождения) и Республики Коми (Верхневозейское, Возейское и Усинское месторождения). Эта территория является одной из самых загрязненных нефтепродуктами в России. Здесь пробурены тысячи скважин, официально считается, что не менее чем на 50 % из них происходили аварийные утечки.

Сокращение возможностей использования традиционных природных ресурсов, обострение экологической ситуации не способствуют решению социальных проблем, повышению их качества жизни. Денежные доходы коренных жителей в 2–3 раза ниже общероссийских. Средняя продолжительность жизни у коренных народов на 10–20 лет меньше, чем средняя по России. Средний возраст смерти у мужчин коренных народов – около 45 лет. Показатели заболеваемости алкоголизмом значительно выше среднероссийских. Высока доля смертей от внешних причин (несчастных случаев, самоубийств, убийств).

Воркутинский район, входящий в состав Арктической зоны Российской Федерации, представляет собой один из важнейших горнопромышленных районов России, включающий основные промышленно освоенные и разведанные месторождения Печорского угольного бассейна, частично охватывает Тимано-Печорскую нефтегазоносную провинцию. Исторически сложилось, что доминирующей отраслью промышленного производства в Воркуте является добыча угля. Разработка месторождений Печорского бассейна ведется с 1934 г., пик добычи приходился на 1985 г., объем добычи составлял 21,3 млн т в 2016 г. Несмотря на то, что в постсоветский период объемы добычи угля резко снизились, оценка перспективных запасов свидетельствует о высоком потенциале для будущего развития угольной промышленности. На его территории известно около 30 месторождений угля и углепроявлений, в том числе 11 месторождений с разведанными балансовыми запасами, которые составляют около 7,0 млрд т.

На сегодняшний день АО «Воркутауголь» является единственным градообразующим предприятием с общей мощностью не более 12 млн т в год. На угледобыче в Воркуте сегодня занято около 7 тыс. человек из 60–80 тыс., проживающих в заполярном городе. Министерством промышленности, природных ресурсов, энергетики и транспорта Республики Коми планируется разработать стратегию сохранения добычи угля в Воркуте на уровне 15 млн т в год, обозначенных в программе развития угольной промышленности России на период до 2030 г.

В рамках развития Воркуты на ее территории запущены к реализации ряд инвестиционных проектов по добыче угля. По оценкам экспертов [13], объем добычи угля за 2016 г. составил 9,6 млн т, что меньше на 3,6 млн, чем годом ранее. Снижение объемов добычи связано с аварией на шахте «Северная» в феврале 2016 г.

Добычу угля планируется обеспечить за счет реализации проектов по освоению участка «Промежуточный» Верхнесыръягинского угольного месторождения, освоению и разработке шахтных полей Усинского месторождения.

Для учета потенциального экологического ущерба требуется оценить кумулятивный эффект от реализации указанных проектов. Примерный перечень показателей оценки кумулятивного эффекта, составленный на основе работы компании BHP Billiton Mitsubishi Alliance (BMA) [14] по оценке проекта угольной шахты пещерного хребта (Caval Ridge Coal Mine Project) и работы П. В. Медведева [15], представлен в таблице.

Социальный фактор – воздействие на социальную среду – представляет оценку положительных и отрицательных последствий промышленного освоения; выделены четыре уровня: личность, семья, местное сообщество и региональное сообщество. Рассматривалась в следующих аспектах:

• экономический – количество и качество созданных рабочих мест; последствия для семьи при вахтовом методе добычи угля; изменения размера заработной платы с открытием новых шахт по сравнению с существующим;

Таблица. Показатели оценки кумулятивного эффекта инвестиционного проекта в угольной промышленности
Table. Indicators of the cumulative effect of the investment project in the coal industry

Факторы кумулятивного эффекта	Показатели оценки кумулятивного влияния
Производство	Среднегодовая добыча угля, тыс. т в год
Ущерб от загрязнения земель	Потери земель сельскохозяйственного назначения I–IV классов землепридатности, кв. м. Ущерб от загрязнения земель, тыс. руб. Ущерб от деградации земель, тыс. руб.
Ущерб от загрязнения поверхностных вод	Ущерба от загрязнения водоема, тыс. руб. Объем уничтоженных водоемов и / или водоемов, изменивших свое русло, км. Объем потребления воды, мл/год. Площадь участка проекта по сравнению с общим водосбором реки, %
Угроза живой природе	Факты фрагментации ареала, нарушения экологического коридора
Ущерб от загрязнения атмосферного воздуха	Ущерб от выбросов углекислого газа (CO^2) и других парниковых газов, тыс. руб. Ущерб от загрязнения атмосферы основными загрязняющими веществами (Nox, PM, SO^2, CH). Концентрация загрязняющих веществ в атмосферном воздухе, мг/м^3

Факторы кумулятивного эффекта	Показатели оценки кумулятивного влияния
Передвижение и транспорт	1. Сокращение жизни асфальтобетонного покрытия. 2. Увеличение движения железнодорожных вагонов.
Социальный эффект	1. Общее число работников в ходе строительства горно-обогатительного комплекса. 2. Общее число работников угольного производства. 3. Доля числа работников от общей численности трудоспособного населения близлежащего населенного пункта
Экономический эффект	1. Добавленная стоимость добытого / переработанного угля

• социальный – влияние на доступность образования, медицины, жилья, отдыха, культуры и традиционный уклад жизни. Социальные последствия интегрированы в другие виды оценки и предполагают измерение прямого и косвенного воздействия. Например, сельскохозяйственный (через социальный объектив) – способность почвы и фрагментации земель на качество жизни для общины, занятие традиционными видами хозяйствования.

Отдельно изучено совокупное воздействие на здоровье, что предусматривает воздействие различных факторов на здоровье человека и благополучие, учитывается отдельно накопительное, текущее здоровье и последствия. При сочетании оценки совокупного воздействия на здоровье с системой охраны здоровья коренного населения, а также социальной и экологической справедливостью обеспечивается комплексное представление совокупных факторов воздействия на здоровье.

Вышеприведенные воздействия на окружающую среду, обусловленные освоением природных ресурсов, имеют различные последствия на окружающую среду, сообщества и здравоохранение, могут стать основой для совершенствования структуры управления, разработки стратегий развития территорий на принципах устойчивого развития.

Одной из альтернативных моделей стратегического управления социально-экономическим развитием региона на принципах устойчивого развития предлагается рассматривать модель интеграционного взаимодействия. Модель предусматривает вертикальное и горизонтальное интеграционное взаимодействие власти, субъектов хозяйствования, науки, местных сообществ, направленные на сбалансированное социо-эколого-экономического развитие как систем регионального хозяйства, так и их подсистем на уроне муниципалитетов и отраслевых комплексов.

Мы исходим из того, что регион является уровнем управления для оценки воздействий на окружающую среду. Региональная устойчивость должна определять задачи для кумулятивных воздействий и учета кумулятивных эффектов и последствий в более широком контексте экологических, экономических и социальных факторов и их влияния на здоровье населения и благополучие. При принятии управленческих решений такой подход потребует компромисса между конкурирующими ценностями, касающимися экономики, экологии, общества и здоровья человека.

На рисунке 1 приведена интеграция необходимых элементов для управления совокупным экологическим воздействием на региональном уровне. Процесс разработки и

Рис. Интеграционная модель стратегического управления на основе оценки кумулятивного воздействия на региональном уровне

Fig. Integration model of strategic management based on cumulative impact assessment at the regional level

реализации стратегии управления осуществляется снизу-вверх и включает поэтапно:

1. Определение прошлых, текущих и будущих кумулятивных эффектов от воздействия на окружающую среду от хозяйственной деятельности в регионе.

2. Определение последствий в результате действий эффектов на окружающую среду.

3. Управление до приемлемых пределов (нормативов) воздействия [12].

Ключевые элементы для развития структуры управления и обслуживания системы представлены в прямоугольниках. Цель развития региона определяется как оптимальное функционирование окружающей среды, экономики и населения. Для этого определяются основные ценности проживающего коренного населения и их поддержка окружающей среды. Процесс достаточно сложный, чтобы однозначно идентифицировать и представлять сообщество или ценности региона. Поэтому с учетом особенностей региона необходима разработка системы критериев и индикаторов по устойчивому развитию, которые могут быть взяты за основу рекомендаций по структурированию процессов, оценке эффективности результатов управления и мониторинга процессов. Эти значения затем преобразуются в подцели, которые являются отправной точкой для стратегического подхода по обеспечению устойчивого уровня человеческой деятельности в условиях как положительных, так и негативных кумулятивных воздействий.

Государственные и национальные перспективы экономического развития, биоразнообразия и культурного благосостояния могут также сыграть важную роль в постановке цели и, в конечном счете, для принятия решений. Более полный учет ценностей требует учета перспектив развития культуры и системы знаний. Культура лежит в основе ценностей и играет важную роль для перспектив коренных общин и принятия компромиссных вариантов с точки зрения положительного и отрицательного воздействия. Коренные народы несут с собой уникальный опыт для работы естественного мира и роли людей в этом мире, поэтому учет традиционных знаний является важным элементом интеграционной модели.

В рамках регионального управления на основе накопительного воздействия необходимо учитывать нормативные ограничения, чтобы гарантировать размеры последствий, которые не превышают допустимых уровней. Включение обязательных нормативных ограничений является ключевым и дифференцирующим элементом предлагаемой структуры управления. Нормативные ограничения должны представлять контрольные значения для роста совокупных отрицательных воздействий в регионе, но не должны рассматриваться как ограничения на экономическое развитие. Такой подход снижает неопределенность для инициаторов инвестиционных проектов по использованию природных ресурсов и является ориентиром в его экологических параметрах. Принятие критериев и индикаторов устойчивого развития способствует структурированию процессов управления и позволяет выявлять при осуществлении мониторинга воздействия на окружающую среду отрицательные отклонения от заданных значений параметров и найти источники для финансирования отрицательных изменений в социальной сфере и здоровье населения.

Мониторинг принятых критериев и индикаторов воздействия на окружающую среду является важным элементом интеграционной системы управления. Без мониторинга сложно понять или предсказать тип и уровень воздействия или узнать о долгосрочных последствиях изменения окружающей среды. Вместе с тем мониторинг является важным компонентом адаптивного управления. Наблюдаемое изменение качества, распределения или доступность значения (например, отсутствие в статистическом учете), потенциально может изменить показатели оценки воздействия на окружающую среду для принятия управленческих решений. Можно достаточно просто определить длинный список измеримых показателей, но возникают трудности, если эти меры являются дорогостоящими и технически сложными. Кроме того, неточные меры являются неэффективными для оценки изменения тенденций ущерба от воздействия на окружающую среду. Особенно это важно для участия общин в управлении устойчивым развитием, результаты контроля должны быть доступны для широкого спектра участников. Это поможет обеспечить устойчивость программ мониторинга, а также увеличит вероятность того, что результаты программ мониторинга актуальны для общин и что они применяются к инклюзивному накопительному механизму воздействия.

Интеграционная модель стратегического управления на основе оценки кумулятивного воздействия на региональном уровне должна включать элементы стратегического планирования землепользования и планирование принятия решений. Например, на территории муниципального образования городского округа «Воркута» приняты «Правила землепользования и застройки», которые включают 3 части: «Порядок применения правил и внесения в них изменений», «Карта градостроительного зонирования» и «Градостроительные регламенты» (Решение № 193 от 29 ноября 2012 г.) [16]. Стратегическое планирование землепользования позволит обеспечить рассмотрение широкого спектра мнений и вовлечение всех заинтересованных сторон и регулирующих органов; выявить эффекты и последствия в начале процесса принятия решений; оценить исходные условия и выявить пробелы в знаниях; развивать целостное видение кумулятивного воздействия, включая идентификацию ключевых ценностей и вспомогательных целей для этих значений. В рамках стратегического видения землепользования для региона члены команды планирования должны быть включены в постановку целей и задач по уровням развития, в том числе при установлении льгот и услуг для местных общин, а также сохранения экологических ценностей и экосистемных услуг.

Интеграционный аспект управления является многогранным. Один вид интеграции – горизонтальный – при этом решаются вопросы о том, как объединить межотраслевой и междисциплинарный процессы, которые часто сталкиваются с укоренившимися организационными структурами и культурой знаний. Предложенная модель управления также включает в себя вертикальную интеграцию, которая связывает различные типы знаний. При оценке кумулятивного воздействия вертикальной интеграцией оценивается вклад научных и традиционных местных знаний. Без эффективного управления на принципах открытости, адаптации и прозрачности теряются все преимущества интеграции или они будут неполностью реализованы.

Обеспечение эффективного управления требует лидерства и приверженности участвующих людей и организаций. Это означает, что лица, участвующие в управлении, и организации способны действовать совместно, развивать функциональные сети и уровень доверия. Другими словами, они должны разрабатывать и внедрять социальную сплоченность, наращивать социальный капитал. Действительно, интеграционная модель стратегического управления выходит за рамки традиционных государственных процессов. Местные сообщества сами решают, кто участвует и как принимаются решения по управлению накопительным экологическим воздействием от деятельности хозяйствующих субъектов. В качестве примера можно привести модель управления на основе кумулятивной оценки воздействия в Северной Альберте (Канада). Совокупная Ассоциация экологического менеджмента насчитывает более 50 членов, которые включены в одну из четырех групп: коренных народов, правительства, неправительственных организаций и промышленности. Ассоциацией руководят четыре директора от каждой фракции. Это группа по разработке систем управления, передового опыта и комплексного диалога с целью сокращения совокупного воздействия, главным образом, в результате разработки нефтяных Песков. Ассоциация принимает рекомендации федеральному и провинциальному правительству по устойчивому управлению территорией. Приведенная форма автономного принятия решений (орган или организация) станет ключевым элементом эффективного управления для решения совокупного воздействия на уровне региона или городского округа [12].

Применение принципов и элементов при интеграционной модели управления регионом на принципах устойчивого развития является основой для преодоления разрыва между местным сообществом, бизнесом и властью. Большая часть предлагаемых элементов управления может применяться последовательно, выстраивая обсуждение поставленных целей и задач для формирования эффективных структур управления в регионе.

Литература

1. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 13.05.2016). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/d56f021d0894f510308e6cdf0d8f0640de141068/ (дата обращения: 10.03.2018).

2. Рябова Л. А., Дидык В. В., Корчак Е. А., Башмакова Е. П., Емельянова Е. Е. Арктические моногорода Российской Федерации: социальные проблемы, пути их решения и роль ресурсных корпораций // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2013. № 3. С. 34–50.

3. Управление, общество, экология: ответы на вызовы освоения Циркумполярного Севера / под ред. И. Н. Ильиной. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. 92 с.

4. Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития. Аналитический доклад Режим доступа: https://arctic.gov.ru/FilePreview/ac6b705c-c774-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=cc530731-da4b-e511-825f- (дата обращения: 20.01.2018).

5. Любовный В. Я., Кузнецова Г. Ю., Власова Н. И. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России. М.: МОНФ, 2004. 217 с.

6. Пилясов А. Н., Котов А. В. Потенциал российской Арктики для международного сотрудничества. М.: Спецкнига, 2015. 119 с.

7. Моногорода. Перезагрузка. Базовый элемент. Режим доступа: https://www.basel.ru/monogoroda/ (дата обращения: 18.01.2018).

8. Моргунов Б. А. Методология учета экологического фактора в процессе выработки стратегии устойчивого развития Арктической зоны России: автореф. дис. … д-ра геогр. наук. СПб., 2006. 40 с.

9. Борисов В. Н., Диденко Н. И., Комков Н. И., Порфирьев Б. Н., Скрипнюк Д. Ф. Теория и практика комплексного развития Арктической зоны. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2015. 190 с.

10. Тулупов А. С. Теория ущерба: общие подходы и вопросы создания методического обеспечения. М.: Наука, 2009. 283 с.

11. Медведева О. Е. Задачи оценки экологического ущерба в Арктической зоне // Арктика и Север. 2015. № 18. С. 131–147.

12. The Integration Imperative. Cumulative Environmental, Community and Health Effects of Multiple Natural Resource Developments / Ed. Gillingham M. P., Halseth G. R., Johnson C. J., Parkes M. W. Springer International Publishing Switzerland, 2016. 275 p.

13. Перспективы развития Воркуты правительство Коми связывает с запуском шахт «Усинская-1» и «Усинская-3». Режим доступа: https://www.bnkomi.ru/data/news/59417 (дата обращения: 20.01.2018).

14. Caval Ridge Coal Mine Project – Environmental Impact Statement. Режим доступа: http://www.bhp.com/-/media/bhp/regulatory-information-media/coal/bhp-billiton-mitsubishi-alliance/caval-ridge/caval-ridge-mine-project-draft-environmental-impact-statement-eis/creiscumulativeimpacts.pdf (дата обращения: 20.01.2018).

15. Медведев П. В. Оценка экологической и социальной эффективности инфраструктурных проектов в обеспечении экономической безопасности: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2016. 25 с.

16. Стратегия социально-экономического развития МОГО «Воркута». Постановление № 204 от 14 февраля 2017 года. Режим доступа: http://www.воркута.рф/city/strategic-management/the-strategy-of-socio-economic-development-of-the-constituent-vorkuta (дата обращения: 20.01.2018).

INTEGRATION MODEL OF STRATEGIC MANAGEMENT OF NORTHERN MONOTOWNS BASED ON THE PRINCIPLES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

***Galina A. Knyazeva*[1, @]**

[1] *Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55, Oktiabrsky Ave., Syktyvkar, Russia, 167001*
[@] *gknyazeva@mail.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: northern (arctic) monotown, integrated investment program, diversification of the town-forming enterprise, environmental impact, damage, sustainable development, cumulative assessment of environmental change, integration management model.

Abstract: The article is devoted to the research of sustainable development of northern (arctic) one-industry urban settlements. The author provides an assessment of state support for Russian monocities in the modern conditions and identifies specifics of the functioning of northern (arctic) monocities, which require a special approach to supportive measures for their development. The paper considers the method of diversification of a city-forming enterprise in strategic documents of multi-profile settlements. It is noted that such an approach does not provide a systematic management of the socio-ecological and economic processes of single-industry towns. The strategy does not take into account the environmental factor, which does not solve the accumulated environmental problems in the Russian Arctic. The current study stresses the necessity of an integrative (cumulative) assessment of the environmental impact resulting from mining operations, which will allow for measuring and managing socio-ecological and economic processes. The author proposes an integration model of strategic management based on cumulative impact assessment at the regional level.

For citation: Knyazeva G. A. Integratsionnaia model' strategicheskogo upravleniia severnymi monogorodami na printsipakh ustoichivogo razvitiia [Integration Model of Strategic Management of Northern Monotowns Based on the Principles of Sustainable Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 103–110. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-103-110.

References

1. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On the approval of the list of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 No. 1398-r (as amended on May 13, 2016). Available at: http://www.minregion.ru/upload/documents/2013/08/160813-p-m-1.pdf (accessed 20.01.2018).
2. Riabova L. A., Didyk V. V., Korchak E. A., Bashmakova E. P., Emel'ianova E. E. Arkticheskie monogoroda Rossiiskoi Federatsii: sotsial'nye problemy, puti ikh resheniia i rol' resursnykh korporatsii [Arctic monocities of the Russian Federation: social problems, ways of their solution and the role of resource corporations]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniia i venchurnogo investirovaniia Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta = Corporate governance and innovative development of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law*, no. 3 (2013): 34–504.
3. *Upravlenie, obshchestvo, ekologiia: otvety na vyzovy osvoeniia Tsirkumpoliarnogo Severa* [Management, society, ecology: answers to the challenges of the development of the Circumpolar North]. Ed. Il'ina I. N. Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaia shkola ekonomiki», 2017, 92.
4. *Monogoroda Arkticheskoi zony RF: problemy i vozmozhnosti razvitiia. Analiticheskii doklad* [Mono-city of the Arctic zone of the Russian Federation: problems and opportunities for development. Analytical report]. Available at: https://arctic.gov.ru/FilePreview/ac6b705c-c774-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=cc530731-da4b-e511-825f- (accessed 20.01.2018).
5. Liubovnyi V. Ia., Kuznetsova G. Iu., Vlasova N. I. *Puti aktivizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia monoprofil'nykh gorodov Rossii* [Ways of activization of social and economic development of mono-profile cities in Russia]. Moscow: MONF, 2004, 217.
6. Piliasov A. N., Kotov A. V. *Potentsial rossiiskoi Arktiki dlia mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [The potential of the Russian Arctic for international cooperation]. Moscow: Spetskniga, 2015, 119.
7. *Monogoroda. Perezagruzka. Bazovyi element* [Monotown. Reboot. Basic Element]. Available at: https://www.basel.ru/monogoroda/ (accessed 18.01.2018).
8. Morgunov B. A. *Metodologiia ucheta ekologicheskogo faktora v protsesse vyrabotki strategii ustoichivogo razvitiia Arkticheskoi zony Rossii*. Avtoref. diss. doktora geogr. nauk [Methodology of accounting for the environmental factor in the process of developing a strategy for sustainable development of the Arctic zone of Russia. Dr. geogr. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2006, 40.
9. Borisov V. N., Didenko N. I., Komkov N. I., Porfir'ev B. N., Skripniuk D. F. *Teoriia i praktika kompleksnogo razvitiia Arkticheskoi zony* [Theory and practice of complex development of the Arctic zone of the Russian Federation]. Saint-Petersburg: Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta, 2015, 190.

10. Tulupov A. S. *Teoriia ushcherba: obshchie podkhody i voprosy sozdaniia metodicheskogo obespecheniia* [Theory of damage: general approaches and issues of creating methodological support]. Moscow: Nauka, 2009, 283.

11. Medvedeva O. E. Zadachi otsenki ekologicheskogo ushcherba v Arkticheskoi zone [The tasks of assessing environmental damage in the Arctic zone]. *Arktika i Sever = Arctic and North*, no. 18 (2015): 131–147.

12. *The Integration Imperative. Cumulative Environmental, Community and Health Effects of Multiple Natural Resource Developments*. Ed. Gillingham M. P., Halseth G. R., Johnson C. J., Parkes M. W. Springer International Publishing Switzerland, 2016, 275.

13. *Perspektivy razvitiya Vorkuty pravitel'stvo Komi svyazyvaet s zapuskom shaht «Usinskaya-1» i «Usinskaya-3»* [Prospects for the development of Vorkuta Komi government connects with the launch of the mines «Usinskaya-1» and «Usinskaya-3»]. Available at: https://www.bnkomi.ru/data/news/59417 (accessed 20.01.2018).

14. *Caval Ridge Coal Mine Project – Environmental Impact Statement*. Available at: http://www.bhp.com/-/media/bhp/regulatory-information-media/coal/bhp-billiton-mitsubishi-alliance/caval-ridge/caval-ridge-mine-project-draft-environmental-impact-statement-eis/creiscumulativeimpacts.pdf (accessed 20.01.2018).

15. Medvedev P. V. *Otsenka ekologicheskoi i sotsial'noi effektivnosti infrastrukturnykh proektov v obespechenii ekonomicheskoi bezopasnosti*. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Assessment of the environmental and social effectiveness of infrastructure projects in ensuring economic security. Cand. econ. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2016, 25.

16. *Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia MOGO «Vorkuta»* [The socio-economic development strategy of ICDO «Vorkuta»]. Resolution No. 204 of 14 February 2017. Available at: http://www.воркута.рф/city/strategic-management/the-strategy-of-socio-economic-development-of-the-constituent-vorkuta (accessed 20.01.2018).